

Природа истины в науке

© С.А. Лебедев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Проанализированы две парадигмы в понимании природы научной истины: трансцендентально-монистическая и социально-плюралистическая. Первая парадигма господствовала в классической философии науки, вторая — в неклассической и постнеклассической эпистемологии. Раскрыто основное содержание данных парадигм, рассмотрены их возможности и границы, соответствие реальной науке.

Ключевые слова: научная истина, научный метод, эмпиризм, априоризм, конструктивизм, субъект научного познания

Проблема природы истины в науке (как возможна истина в науке, каковы средства ее получения и обоснования) является одной из главных эпистемологических проблем. Ее обсуждение красной нитью проходит через всю историю и философию науки. Актуальна эта проблема и сегодня. Об этом свидетельствует острая полемика по данной проблеме в различных направлениях современной методологии науки: от логического позитивизма до постпозитивизма, конструктивизма и постмодернизма [1]. При этом все спорящие стороны согласны с тем, что именно наука вырабатывает наиболее адекватное, точное и доказательное знание. Про науку и научное знание можно сказать те же слова, которые У. Черчилль сказал когда-то о демократии как наиболее адекватной форме политического устройства общества: «Конечно, у демократии есть много недостатков, но ничего лучшего человечество пока не придумало». То же относится и к научному знанию. По сравнению со всеми другими видами знания, которые люди используют в процессе коммуникации и практической деятельности (обыденное знание, искусство, философия), научное знание является наиболее определенным, обоснованным и проверяемым.

Тем не менее главная философская проблема науки — проблема объективной истинности научного знания, наличия общезначимых критериев ее удостоверения — по-прежнему остается дискуссионной. Она распадается на ряд вопросов, по которым существуют различные мнения, порой исключаящие друг друга. Способна ли наука своими средствами и методами достичь объективно-истинное и абсолютно-достоверное знание об изучаемых ею объектах? Она может сделать это во всех областях научного знания или только в некоторых (например, лишь в математике и экспериментальных науках)?

Как вообще возможна научная истина в качестве особого рода истины? Научная истина социальна или трансцендентальна? Кто является подлинным субъектом научного знания и познания: самопорождающий свое содержание объективный разум, трансцендентальный субъект или реальные ученые и научное сообщество? Является ли достижимая в науке истина абсолютной или только относительной? Существуют и возможны ли в принципе некие универсальные методологические процедуры удостоверения истинности научного знания, всех разнообразных по содержанию и форме научных утверждений? Или таких процедур существует множество? Оценка некоторого фрагмента научного знания как истинного является следствием применения к нему определенной методологической процедуры или это результат принятия субъектом научного познания подобного решения при отсутствии гарантии его правильности? Являются ли конвенции и консенсус необходимыми элементами принятия решения об истинности научных законов и теорий? Если да, то правомерно ли утверждать о трансцендентальной, внесубъектной и внесоциальной природе научной истины? Как показывает анализ истории методологии науки, ответы на поставленные выше вопросы возможны только в рамках выбора одной из двух парадигм в понимании природы научного познания: трансцендентально-монистической или социально-плюралистической.

Две главные парадигмы в понимании природы научной истины. Согласно трансцендентально-монистической парадигме, научное знание есть либо результат самопорождения объективным разумом своего содержания (объективно-идеалистическая теория самопознающего объективного разума, использующего реальных ученых лишь как одно из своих средств — Платон, Шеллинг, Гегель, Уайтхед, частично Поппер), либо продукт познавательной деятельности субъекта научного познания, но трансцендентального, а не эмпирического (Декарт, Лейбниц, Кант, Гуссерль). При этом сторонники каждой из версий трансцендентальной эпистемологии исходили из предпосылки о существовании некоего универсального метода порождения истинного научного знания. Соединение принципов трансцендентализма и монизма в единое целое составляет сущность трансцендентально-монистической парадигмы. Основой социально-плюралистической парадигмы научного познания являются диаметрально противоположные принципы. Во-первых, данная парадигма исходит из положения, что субъектами научного познания являются реальные ученые, а научное познание, как и всякая другая человеческая деятельность, имеет субъект-объектный, творческий, исторический, социальный характер, а основной формой развития научного знания является гипотеза. Следовательно, продуктами научно-

познавательной деятельности может быть как истинное, так и ложное знание. Во-вторых, такие характеристики научного знания, как его истинность или ложность, являются относительными как в историческом, так и в синхронном плане, что существование в науке альтернативных концепций и теорий является естественным и даже неизбежным результатом научного способа познания. Первым важным эмпирическим свидетельством существования плюрализма в научном познании является исторически очевидный факт постоянной смены прежних фундаментальных теорий в различных областях науки новыми теориями, которые либо отрицают истинность прежних научных теорий, либо существенно ограничивают ее. Вторым — наличие в ней в каждый исторический период ее развития альтернативных концепций в любой из ее областей. Третьим аргументом в защиту плюралистической природы научного является методологический плюрализм науки, отсутствие в ней единого универсального метода получения и обоснования научного знания [2]. Признание органической взаимосвязи социального характера научного познания и плюрализма научного знания образует ядро социально-плюралистической эпистемологической парадигмы. В настоящее время основная дискуссия идет уже не в плане отрицания наличия в науке плюрализма (для современной науки это очевидный факт ее бытия), а лишь в интерпретации характера этого плюрализма и определении его границ. Главным трендом в развитии современной методологии науки стало осознание наличия в науке не только качественно различных областей, уровней, видов и различных единиц научного знания, отсутствие в ней некоего универсального метода получения и обоснования научного знания, но и различного понимания в ней самой научной истины, а также ее критериев. Основные направления современной философии науки, которые представляют и развивают плюралистическую парадигму природы истины в науке, — радикальный конструктивизм, постструктурализм, когнитивная социология науки, культурно-историческая и социальная эпистемология, эволюционная эпистемология, методологический анархизм, а также позитивно-диалектическая эпистемология [1].

Главные причины многообразия предложенных философами и учеными решений проблемы природы научной истины и ее критериев, по мнению автора, двоякого рода. Первая причина есть следствие плюрализма эпистемологических и методологических систем, с позиций которых возможно целостное осмысление такого сложного феномена, как наука и научное познание. Естественно, что разная «философская оптика» и разные гносеологические «системы отсчета» приводят к высвечиванию разных образов науки при попытках осмысления реальной науки, ее структуры и динамики. Однако это

только одна сторона вопроса. Другой, не менее значимой причиной существующего плюрализма в решении проблемы научной истины и ее критериев является гетерогенная структура научного знания, существование в науке не только качественно различных состояний научного знания в общем процессе его исторической эволюции, но также и значительное синхронное разнообразие видов научного знания на любом этапе этой эволюции. В каждый исторический период существования науки в ней можно выделить различные по содержанию области научного знания, уровни научного знания и виды научного знания. Если говорить о диахронии науки, то качественно различные ее состояния представлены шестью культурно-историческими типами науки: древняя восточная, античная, средневековая, классическая (новое время — XIX в.), неклассическая (XX в.), постнеклассическая (современная наука). Необходимо подчеркнуть, что все культурно-исторические типы науки имеют не только различное содержание научного знания, но и различные категориальные и ценностные основания [3].

К качественно различным синхроническим измерениям науки относятся структурные единицы научного знания. Во-первых, это области научного знания (математика и логика, естественно-научное знание, техническое и технологическое знание, социальное и гуманитарное знание). Очевидно, что научное знание во всех этих областях отличается не только по содержанию, но и по методам своего получения и обоснования, а также по способам удостоверения его истинности [2]. Достаточно сравнить методы математики и методы естественных наук, либо методы физики и методы истории или филологии, чтобы увидеть их качественное различие. Во-вторых, в структуре любой науки существуют качественно различные уровни научного знания: уровень чувственного научного знания (данные наблюдения и эксперимента), эмпирического знания (научные факты и эмпирические законы), теоретического научного знания (научные теории как логически доказательные системы утверждений об идеальных объектах, их свойствах), общенаучного знания и философских оснований науки. Каждый уровень научного знания также имеет не только свою онтологию, но и свои особые методы получения и обоснования знания и, как следствие, свои специфические критерии истинности. В-третьих, синхронный плюрализм научного знания представлен различными видами научного знания: аналитическое и синтетическое, априорное и апостериорное, исходное и выводное, дискурсное и интуитивное, явное и неявное и т. д. Все эти виды научного знания имеют существенные различия либо по логической форме, либо по функциям в научном познании. Соответственно и обоснование истинности каждого из видов научного знания не может быть одинаковым. Однако сверхсложная плюралистическая структура научного знания далеко

не исчерпывается указанными выше диахронными и синхронными различиями в его структуре. Столь же важными структурными различиями бытия реальной науки является ее функционирование в качестве особой подсистемы культуры, особого вида практической и инновационной деятельности, особой формы жизни людей, профессионально связанных с наукой. Естественно, что науку как весьма сложную систему с большим количеством аспектов невозможно описать в рамках какой-либо одной теории или модели. Здесь есть только один путь — создание некоей мозаичной, но вместе с тем целостной модели реальной науки, имеющей плюралистическую структуру, включая наличие в ней качественно различных областей, уровней и видов научного знания.

Как возможно научное знание: эмпиризм, рационализм, конструктивизм. Решение проблемы истины в науке существенно зависит от решения другой, не менее важной эпистемологической проблемы — как возможно научное знание. В методологии науки существуют три главных концепции в решении данной проблемы:

- 1) эмпиризм (в частности, индуктивизм и неоиндуктивизм);
- 2) рационализм (в частности, априоризм);
- 3) конструктивизм в его различных вариантах (инструментализм, прагматизм, конвенционализм и социологизм).

Сторонники эмпиризма исходят из того, что источником, основой и критерием истинности научного знания является или должен быть только эмпирический опыт. Рационалисты, напротив, полагают, что основным средством научного познания является не опыт, а мышление. Соответственно, они считают, что и критерием истинности научного знания может и должно быть не его соответствие эмпирическому опыту (который всегда, по самой своей природе, является лишь локальным или частным), а только его соответствие либо неким изначальным (априорным) структурам мышления, либо накопленному ранее истинному научному знанию. Наконец, представители конструктивистского понимания природы научного знания считают, что научное знание и любая его единица имеют не опытный и не априорный, а конструктивно-мыслительный характер. Поэтому конструктивисты полагают, что критерий истинности научного знания следует искать не в опыте и не в мышлении, а в сфере конструктивной деятельности человека по созданию специфического артефакта — научного знания. Критерием его истинности, как и любых других продуктов деятельности человека, может быть только их полезность и эффективность в качестве средств дальнейшего развития человеческой деятельности — теоретической и особенно практической (создание новых видов техники и технологий, развития экономического потенциала общества, его образовательных и социальных технологий и т. д.).

Одной из наиболее простых и вместе с тем достаточно распространенных конструктивистских моделей стал конвенционализм и предлагаемое в его рамках решение проблемы научной истины. Конвенционалисты акцентируют свое внимание на когнитивных основаниях принятия учеными решений об истинности той или иной структурной единицы научного знания, особенно аксиом научных теорий. Среди виднейших представителей конвенционализма необходимо назвать таких выдающихся ученых и методологов науки, как А. Пуанкаре, А. Грюнбаум, Р. Карнап, К. Поппер, И. Лакатос. Главный философский тезис, составляющий ядро конвенционалистской концепции научного знания, заключается в утверждении, что приписывание научным концепциям и принципам науки свойства истинности, а также других свойств научного знания (доказанность, определенность, однозначность, точность, верифицируемость, фальсифицируемость) носит по необходимости конвенционально-условный характер [4]. Согласно конвенционалистам, приписывание любым единицам научного знания указанных выше свойств не может считаться чем-то безусловным. И главной причиной этого является то, что в процессе логической аргументации всегда возможен регресс в бесконечность. Правда, ученые часто ссылаются на достаточность оснований при обосновании результатов своих исследований, поскольку доказательность научного знания — это один из главных идеалов научно-познавательной деятельности. Однако в принципиально философском плане необходимо всегда помнить, что решение о достаточности имеет всегда относительный и по существу договорный характер, в основе которого лежит когнитивная воля исследователя и определенный набор практических соображений (простота модели, удобство использования, традиция, предсказательная сила, непосредственное применение в технических и технологических расчетах и т. д.).

Наиболее ярким проявлением конвенционального характера научного познания является сам научный язык с его стремлением к точности и однозначности своих понятий и высказываний. Такая точность достижима только с помощью четкой фиксации значений и смысла научных терминов и понятий, что возможно сделать только с применением явных определений. Любое явное определение есть приписывание тому или иному термину строго определенного значения и смысла. Очевидно, что привязка любого слова только к одному из его возможных значений имеет явно договорный и условный характер, т. е. характер конвенции. Все методологические принципы и правила в науке, начиная от физических эталонов и основанных на них системах измерения свойств и отношений объектов, также имеют явно конвенциональную природу. Это относится и к принятию тех или иных правил и стандартов логического доказательства. Напри-

мер, в классической логике и математике некое утверждение считается доказанным, если его отрицание ведет к логическому противоречию в системе (метод доказательства от противного). В конструктивной логике и математике доказательства такого рода запрещены, в ней разрешаются только прямые доказательства конечное количество шагов и за время, соизмеримое с практическими задачами и реальным временем жизни научного сообщества. Апелляция к понятию актуальной бесконечности в конструктивистской методологии науки также запрещена. Такого рода запреты носят явно конвенциональный характер. Многие современные математики, не принимая этой конвенции, продолжают работать в традиции классической методологии математики, т. е. в рамках других конвенций. Любые конвенции, наряду с положительными сторонами их эвристических возможностей, несут в себе и груз связанных с ними познавательных ограничений в видении исследуемого объекта только с некоторой определенной стороны. Перефразируя слова известного немецкого философа М. Хайдеггера «Язык — дом бытия», можно утверждать, что наличный язык науки в целом и отдельной науки, в частности, существенно задает пределы видения ею действительности. Вот почему революции в науке всегда сопровождаются существенным изменением языка научных теорий, введением в оборот новых категорий, а также новой интерпретацией значения и смысла прежних понятий и утверждений науки.

Почему конвенционалистская методология науки возникла только в конце XIX — начале XX в., а затем получила широкое распространение среди ученых? Очевидно, это могло произойти только в силу того, что в конвенционализме были адекватно схвачены какие-то реальные черты в развитии науки того времени, которые ускользали от фиксации учеными и философами прежних времен. Как известно, в науке второй половины XIX — начале XX в. произошли три судьбоносных события, которые существенно повлияли на всю траекторию дальнейшего развития научного познания и потребовали нового философского осмысления природы научного познания.

Во-первых, это открытие неевклидовых геометрий и принятие их математиками в качестве столь же полноценных теорий, как и традиционная евклидова геометрия, которая не только существовала почти в неизменном виде более двух тысяч лет, но и казалась многим математикам, физикам и философам единственно возможной и единственно истинной наукой о пространстве.

Во-вторых, это был кризис в теории множеств и обнаружение в ней парадоксов, а ведь большинство математиков конца XIX в. рассматривали теорию множеств как фундамент всей математики. Одним из радикальных способов устранения возникавших в теории

множеств противоречий стало предложение интуиционистов (позднее их последователи стали называть себя «конструктивистами») отказаться от центрального понятия классической теории множеств — понятия актуальной бесконечности. Другим их требованием было введение ограничений на использование в математических доказательствах законов исключенного третьего и двойного отрицания, использование этих логических законов только в рассуждениях о конечных множествах. Вместо классической математики и логики с их недостаточно надежными методами доказательства интуиционисты предложили создать новую, конструктивную математику на основе более строгих, чем в прежней математике, методов ее построения. Таким образом, была поставлена под сомнение надежность всей классической математики, а следовательно, и абсолютность математических истин (Л. Брауэр, А. Пуанкаре, Г. Вейль, А. Гейтинг и др.). Наконец, третьим выдающимся событием, окончательно поколебавшим веру ученых в возможность достижения средствами научного познания абсолютно-истинного знания о действительности, стало создание теории относительности и квантовой механики как физических теорий, не просто альтернативных классической механике, но и во многом с ней несовместимых (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор и др.).

Эти революционные события свидетельствовали о том, что максимум, на что могут претендовать наука и научное познание, — относительная истина, причем относительная не только в историческом плане, но и в плане принципиальной возможности достижения в науке доказанной объективной истины. Очевидно, что нужно было отказаться от классического идеала науки как абсолютно истинного и абсолютно объективного знания о действительности, от претензии науки на знание того, какова объективная реальность на самом деле, независимо от познающего ее субъекта. То, что данные наблюдения (сколь бы многочисленными они ни были) в принципе не могут доказать истинность научных законов и теорий, ученым и философам стало ясно уже в последней трети XIX в. после сокрушительной критики классического индуктивизма Бэкона — Конта — Милля не только со стороны его противников — критиков эмпиризма, но и со стороны сторонников (Э. Мах, Р. Авенариус, А. Пуанкаре и др.) [1]. Было показано, что с логической точки зрения абсолютно некорректно заключать об истинности научного закона или теории на основании эмпирического доказательства истинности следствий, выводимых из них. Но уже значительно позже (лишь во второй половине XX в.) в результате основательной критики К. Поппером неоиндуктивизма логических позитивистов станет ясно, что индукция (т. е. аргументация от частного к общему, от фактов к законам и теориям) не способна выполнять не только функцию доказательства научных законов и

теорий, но и функцию подтверждения истинности. В логике, согласно определению функции логической импликации и основанного на ней отношения логического следования, истинные следствия могут быть логически законно получены не только из истинных, но и из ложных посылок. Вместе с тем постоянный рост числа конкурирующих теорий во всех областях современной науки (объясняющих с разных позиций одни и те же факты, одни и те же данные наблюдения и эксперимента) подтверждал ограниченные возможности опыта в решении вопроса предпочтения и выбора одной из конкурирующих гипотез. Однако феномен конкуренции в науке различных ее концепций настойчиво требовал его квалификации либо как временного явления, либо как необходимого и неустранимого в развитии научного знания. При этом оказалось, что методологических возможностей в интерпретации данного факта существует не так уж и много.

Для современной методологии науки стало окончательно ясно, что в истолковании природы научного знания явно провалились эмпиризм и позитивизм во всех их вариантах. В науке не существует чистых данных наблюдения и эксперимента, никак не зависящих от какой-либо теории. Теории играют в развитии науки и процессе научного познания руководящую и направляющую роль, особенно в интерпретации имеющихся эмпирических данных. Как образно и чрезвычайно метко по этому поводу сказал великий Леонардо да Винчи: «В науке теории — это генералы, а эксперименты — солдаты». Успешный исход сражения, конечно, зависит от тех и других, но планируют, осуществляют и отвечают за исход операции, как известно, именно генералы.

Однако рационализм как декартовского, так и кантовского и гегелевского толка, особенно после построения неевклидовых геометрий в математике и возникновения неклассической физики, потерял свою кредитоспособность в глазах большинства ученых. Согласно рационалистам, источником абсолютной истины в науке является не опыт, а чистое мышление с присущим ему априорным содержанием. Конечно, и Декарт, и Кант, и Гегель знали о существовании в любой из областей науки альтернативных концепций, но считали это лишь временным состоянием науки, от которого она принципиально должна и может избавиться, ибо объективная истина как главная цель научного познания может быть только одна. Согласно Канту, естественно-научное познание, цель которого — постижение законов природы, имеет априорно-апостериорный характер и представляет собой наложение априорных схем сознания на материал чувственных наблюдений. Но при этом данные априорные схемы Кант объявлял вечными, неизменными и одинаковыми у всех познающих субъектов. Математику и логику Кант считал чисто априорными науками, заявляя, что именно поэтому невозможна никакая иная геометрия, кроме

евклидовой, и никакая другая логика, кроме аристотелевской. Но уже во второй половине XIX в. случилось именно то, что Кант считал принципиально невозможным в силу априорных свойств сознания: Н.И. Лобачевский и Б. Риман построили новые геометрии, альтернативные не только евклидовой, но и друг другу. А затем в логике были созданы различные системы математической логики, более богатые по сравнению с аристотелевской силлогистикой и частично альтернативные ей (различные системы многозначной и конструктивной логики).

После этого у философов и ученых, размышлявших над вопросами о природе и характере научного знания, осталось только две логических возможности. Первая: считать принципиально невозможным достижение в науке объективно-истинного знания и рассматривать любое научное знание как имеющее статус лишь гипотез о действительности. Вторая: считать, что утверждение о истинности научного знания возможно, но лишь в некотором условном, а именно конвенциональном смысле, как решения ученого о признании некоторого научного знания истинным. Разумеется, при принятии такого решения ученый обязан сформулировать те условия и критерии, которым должны отвечать истинные высказывания, а любой ученый может проверить, действительно ли соблюдаются эти условия. Конвенционалистская философия науки и ее разработка означали принятие второй возможности. Смысл конвенционализма заключался в том, чтобы, с одной стороны, сохранить положение Канта о двойственной, априорно-апостериорной природе естественно-научного знания, а с другой, заменить при этом абсолютный априоризм кантовского трансцендентального субъекта познания на конструктивно-творческий, исторический априоризм реальных субъектов научного познания. Конвенционалисты пытались проложить в эпистемологии науки новый маршрут, пытаясь пройти между Сциллой эмпиризма и Харибдой абсолютного априоризма [4].

Безусловно, конвенционалисты правы в том, что решение вопроса об истинности любой научной гипотезы или теории, помимо их соответствия определенному набору эмпирических, теоретических и логических критериев, требует от ученого принятия соответствующего когнитивного решения. Однако с ними трудно согласиться в том, что главным субъектом такого решения выступает отдельный ученый, а не профессиональное научное сообщество. Но именно научное сообщество имеет больше оснований, чем любой отдельный ученый, претендовать на роль носителя объективного научного разума. Реальным субъектом научного познания выступает именно научный коллектив, состоящий из отдельных ученых, которые с экзистенциальной точки зрения хотя и являются свободными личностями, однако связаны между собой предметными и коммуникационными связями

осуществления коллективной научной деятельности. И это несмотря на то, в современной мировой науке положение дел таково, что члены одного и того же дисциплинарного сообщества существенно распределены в пространстве и часто вообще лично не знакомы друг с другом. Что же их связывает друг с другом и делает единым коллективным субъектом научного познания? Ответ прост: густая сеть информационных каналов и когнитивных связей, причем часто неформальных и социально анонимных, т. е. специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра. Результатом этих коммуникаций внутри коллективного субъекта науки является достижение среди его членов определенного консенсуса в отношении всех принципиальных вопросов научного познания: истинности, доказанности, однозначности или эффективности той или иной концепции или гипотезы [3]. При этом в отличие от множества научных конвенций, являющихся результатом сознательно-договорного и рационально-контролируемого поведения ученых относительно истинности некоторого высказывания или теории, научный консенсус является итогом длительных переговоров, дискуссий, а нередко и столкновения позиций ученых во время этого во многом стихийного и социального по своей сути познавательного процесса. При этом существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих ученых в соответствующей области научного знания, ее наиболее авторитетных экспертов. Если научная конвенция — дело личной ответственности отдельного ученого, то научный консенсус — действие дисциплинарного научного сообщества как социального субъекта и его коллективная ответственность за признание некоторой теории истинной, научной или даже лженаучной. Таким образом, различия в основаниях и механизме принятия когнитивных решений при конвенционалистском и консенсуалистском подходе весьма существенны. Соответственно этим различиям научная истина при конвенционалистской трактовке механизма ее принятия неизбежно имеет субъективный характер, тогда как при консенсуалистском подходе она приобретает уже социальный и объективный характер в силу самой природы консенсуса. Хотя в обоих случаях научная истина признается имеющей условный и относительный характер, но только при консенсуалистском понимании ее природы она приобретает такие свойства, как общезначимость, социальность и историчность, что полностью соответствует реальному научному познанию и его результатам. Достоинством консенсуалистской интерпретации природы научной истины является также то, что она вбирает в себя все рациональные зерна других концепций научной истины, которые были разработаны в истории философии науки. В силу огромного массива накопленного и апробированного научного знания, с которым любой ученый вынужден считаться как с такой же непреложной реальностью, как и исследуемая им природа,

свобода действий и отдельного ученого, и профессионального научного сообщества, всегда ограничены состоянием, возможностями и объективными закономерностями развития научного знания.

В истории философии и методологии науки существуют два альтернативных подхода, две парадигмы в понимании природы научной истины: трансцендентально-монистическая и социально-плюралистическая. Первая парадигма была господствующей в классической эпистемологии. Она была представлена двумя основными вариантами: эмпиризмом и априоризмом. Оба варианта не выдержали проверку реальным развитием науки, для которой оказались неизбежными и научные революции, сопровождавшиеся сменой фундаментальных научных теорий, и постоянное наличие во всех областях научного знания конкурирующих теорий. Классическую парадигму природы научной истины сменила в XX в. социально-плюралистическая парадигма. Она существует в различных конкурирующих между собой версиях: критическом рационализме, социальной эпистемологии, конструктивизме, постструктурализме, конвенционализме. Общим для всех версий современного понимания природы истины в науке является признание социального характера научного познания и плюралистической структуры научного знания.

Работа выполнена в рамках гранта 16-23-01004 «а(м)» РГНФ-БФФИ «Философско-методологические и естественно-научные основания современных биологических и экологических концепций».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пружинин Б.И. Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы. *Вопросы философии*, 2014, № 12, с. 4–13.
- [2] Лебедев С.А. Научный метод: единство и многообразие. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2015, № 2, с. 7–26.
- [3] Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре. *Вопросы философии*, 2012, № 5, с. 18–25.
- [4] Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки. *Вопросы философии*, 2013, № 5, с. 57–69.

Статья поступила в редакцию 30.08.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Лебедев С.А. Природа истины в науке. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 11. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-12-484>

Лебедев Сергей Александрович — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: saleb@rambler.ru

The nature of truth in science

© S.A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article analyzes two paradigms in understanding the nature of scientific truth: transcendently-monistic and socio-pluralistic. The first paradigm prevailed in the classical philosophy of science, the second one — in the nonclassical and postnonclassical epistemology. We define these paradigms and consider their potentialities, borderlines and correspondence to the real science.

Keywords: *scientific truth, scientific method, empirism, apriorism, constructivism, subject of scientific knowledge*

REFERENCES

- [1] Pruzhinin B.I. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2014, no. 12, pp. 4–13.
- [2] Lebedev S.A. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh — Modernity in psychological and educational research*, 2015, no. 2, pp. 7–26.
- [3] Stepin V.S. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2012, no. 5, pp. 18–25.
- [4] Lebedev S.A., Koskov S.N. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2013, no. 5, pp. 57–69.

Lebedev S.A., Dr. Sc. (Philos.), Professor of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: saleb@rambler.ru